

Айд Мус

Жан Дю Шан

Тысяча земных лет

Айд Мус

Жан Дю Шан. Тысяча земных лет

«Издательские решения»

Мус А.

Жан Дю Шан. Тысяча земных лет / А. Мус — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902035-2

Я вынужден написать предупреждение здесь, на обложке своего дневника, в коем я отобразил своими словами, пусть даже не поэтичными, приключения, в которых мне доводилось участвовать. Сперва они могут показаться невероятными и, быть может, даже безрассудными. Если во время изучения моих записей в тебе возникнет скепсис и недоверие, и ты сочтешь меня лжецом и негодяем, то я попрошу отнести тебя к моим записям, как к художественному произведению, пусть даже если оно тебе не понравится...

ISBN 978-5-44-902035-2

© Мус А.

© Издательские решения

Жан Дю Шан. Тысяча земных лет

Айд Мус

Дизайнер обложки Альбина Гумаровна Кашапова

© Айд Мус, 2018

© Альбина Гумаровна Кашапова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-2035-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Натали, моя дорогая Натали. Я бросил все, свой титул, богатство, дворец, оставив позади жизнь, которую подарил мне отец. Вся эта роскошь, она мне чужда. Я понял, что всё это богатство не заполняет пустоту, которая так велика в тех, кто в нем прозябает. От жены мне тоже пришлось уйти, её, увы, я не люблю. Отныне, моё сердце, всецело принадлежит тебе, моя Натали. Люди, окружавшие меня в моём поместье, твердили мне, что ты лишь служанка, простолюдинка, что не быть нам вместе. Но неведомо им это поглощающее чувство блаженного трепета и упоения. В памяти моей, вдруг возникает, твой голос, порой дуновение ветра доносит его до меня. И твой взгляд, который сразил меня, словно показав мне всю красоту твоего сердца. Я помню, как во мне возникало тепло, когда твой смех доносился до меня.

Сейчас вся жизнь моя становится мучением. Мне мысли по сей день, покоя не дают. Почему ты уехала, не сказав мне ни слова? Я нашёл письмо, оставленное тобой для меня. Я его не прочту и даже не вскрыю. Я верну его тебе, когда мы вновь увидимся. И ты, мне вслух его прочтешь, или сожжешь не вскрывая. Я покидаю свой дом и становлюсь бродягой, изгнанником. Я найду тебя Натали, пусть на это уйдёт вся моя жизнь. И если встретиться нам предстоит на закате дней моих, то пусть кончину встречу я в твоих объятиях. Я обещаю тебе, что жизнь моя мимо не пройдёт. Когда мы вновь встретимся, я тебе поведаю о том, сколь сильно ты мне дорога. Быть может, это произойдет совсем скоро.

12 декабря 1638 год

Вот и миновал первый день моего изгнания. После жизни, прожитой в роскоши, день этот, показался мне лучшим днем в моей жизни. Сегодня я ощутил вкус свободы. Правда, оказался он не столь сладким каким его я предвкушал. Но на пути к даме моего сердца мне не страшны никакие преграды.

Я увидел, как живут люди в порту. С вершины холма, где раскинулось поместье, в котором я просуществовал все свои восемнадцать лет, не было этой жизни, бурлящей у подножья. Я раньше спускался в город, но, смотрел на людей свысока, казалось мне я выше этих ничемных жизней копошащихся вокруг меня. Уйдя в отречение от всей той роскоши, что меня окружала, я стал частью этой бурлящей жизни. Здесь, простолюдинам приходится выживать, без далеких мыслей об окружающем их мире. И вряд ли у меня получится назвать этих людей порядочными, благородными, сострадательными и милосердными. Ведь люди эти в большинстве своем безграмотные невежды, разбойники, пьяницы и бездельники. Но есть среди них и неплохие люди.

Сегодня по непонятной мне причине я начал замечать то, чего раньше взор мой избегал. Это удивительно. Я смотрел, как кружатся в небе чайки и полной грудью вдыхал пьянящий, свежий воздух океана, слыша, как вдали раздавались сигнальные корабельные колокола.

Раньше я не осознавал насколько приятно это ощущение, когда тебя обнимает прохладное дуновение ветра. Всё это вдруг наполнило мою жизнь красотой.

Я был на рынке. Встретился там с женщиной, у которой Натали покупала фрукты для кухни. Её зовут Мария, очень приятная и веселая дама, угостила меня свежим яблоком, вкус которого мне показался необыкновенным. Она мне поведала о том, что Натали рассказывала о тех местах, где выросла.

Теперь я знаю, куда мне отправиться на её поиски.

15 декабря 1638 год

Мне удалось найти корабль, идущий по курсу к побережью, где я, возможно, смогу найти Натали. Но сперва, экспедиция из трех кораблей должна будет посетить острова, расположение которых, мне, увы, узнать не удалось. В подробности самой экспедиции меня не посвящают.

Я с трудом поднялся на борт одного из кораблей, капитан которого не желал брать меня. Но моё аристократическое происхождение и несколько золотых монет переубедили его, и он принял меня, с условием, что я не буду доставлять его команде хлопот.

Экспедиция состоит из трёх кораблей. Бриг «Меркурий», фрегат «Камень», и огромный линейный корабль «Виктория». Я погрузился на «Викторию». Корабль необычайных размеров. Он просто огромный. На его борту около четырех ста человек команды и чуть больше сотни пушек по оба борта. С некоторыми членами экипажа я уже познакомился.

На корабле мне встретился моряк. Его зовут Джанило Галиэра. Я чувствую, что он смотрит на меня с презрением. Трудно понять почему. Но думаю из-за моего аристократического вида, и порой напыщенных манер. Каким бы грубым он не был, он кажется мне настоящим, в отличие от многих. Его озлобленность выглядит абсолютно естественной.

Корабль оказался действительно больших размеров. Со стороны он внушает страх, а внутри, я чувствую себя под защитой, его прочного борта. Я около часа ходил в попытках его смотреть. Меня не пустили в трюм. Похоже, там что-то важное.

Ветер наполняет паруса. Волны ударяют в борт. Мы будто мчимся вдаль, далеко за горизонт. Мы преследуем заходящее солнце, словно утопающее в океане.

Я нахожусь в предвкушении новых приключений. Погружаясь в воспоминания, я понимаю, что моя прежняя жизнь не доставляла мне ничего, кроме разочарований. Все мои дни проходили мимо, словно по расписанию, утром я завтракал овсянкой, затем занимался грамматикой и арифметикой, позже фехтовал и стрелял из мушкета, в полдень я обедал, после полудня спал и тренировался в верховой езде. Жизнь казалась мне прекрасной, и одновременно скучной.

Теперь всё иначе, волны несут меня на встречу к новой жизни.

19 декабря 1638 год

Похоже, вот и настал мой конец! Океан обозлился на нас! Вся природа доносит нам всю силу своего гнева. За бортом я слышу раскаты грома, будто разрывающие небеса. Зловещее завывание ветра несет с собой кружащие вихри поднимающие воду.

Эти суровые, бесстрашные моряки. Им неведом страх. Они наперекор стихии ведут наше судно. Никто не прячется, каждый остается на своём месте. Их вдохновляет тот парень, Джанило Галиэра. Он кричит на всех и ругается, говорит, что вся команда слабаки, трусы и безмозглые пройдохи. Не вытирая мокрое лицо, он во весь голос восклицает, что ничтожно крохотная буря неспособна сокрушить его безмерную волю. Ему никто не перечит, членов экипажа это вдохновляет, они начинают работать усердней.

Я не мог себе представить, что природа способна, на столь мощные сокрушения, повергающие меня в ужас. Я не трус, но мне ещё не приходилось блуждать в бушующем мраке зло-

вещего шторма. Я начинаю осознавать, что в преддверие смерти, вкус жизни становится, насыщен изобилием.

22 декабря 1638 год

Погибель меня миновала. Я проснулся рано утром или поздно ночью. Поднялся на верхнюю палубу окинуть взором горизонт. Кругом светят звёзды, усыпанные на небе, свет их доносит тепло моему сердцу. Могучий океан, бесконечное небо и я, мы словно слились в одном гармоничном вдохе.

Как жаль, что самая красивая звезда, моя Натали, сейчас мне неведома. В тот бушевавший шторм мысль о тебе, меня не покидала.

Шторм повредил корабль. «Камень» с треском потерял среднюю мачту. Мы уходим в ближайший порт на ремонт.

Этот день я ознаменую рождением чего-то нового, чего-то прекрасного, того, что будет светить, словно звезды в ночном небе. Я предложу морякам обучиться грамоте, поскольку писать и читать мало, кто умеет на этом судне.

30 декабря 1638 год

Несколько моряков с энтузиазмом приняли моё безвозмездное предложение обучить их грамоте. Некоторые из них гораздо старше меня, но поведение их подобно юным детям, седым бородатым юнцам.

Один мой ученик по имени Джек, делает большие успехи. Спустя неделю обучения он уже читает по слогам. Он сказал мне, что отдал бы все свои деньги, которые у него были, за это великое умение, читать и писать. Я ему дружелюбно отказал. Пусть прибережет монеты, для своей жены и семерых детей, которым я надеюсь, он прочтет немало сказок.

Эти потрепанные морем люди. Некоторые из них, ни на что не променяли бы проведенную под парусом жизнь. Слишком сладок для них соленый запах океана. Есть и те, кто мечтает жить фермером. А кто-то прозябать в борделях и упиваться ромом.

Многим людям океан даровал свободу, многих безвозвратно поглотил.

Один старый моряк поведал мне невероятную историю о том, как однажды он тонул, после ожесточенной корабельной битвы. Спасение на него снизошло благодаря огромной акуле, которую он оседлал. Это просто невероятно.

6 января 1639 год

Позади меня тысячи миль и моя прошлая беззаботная жизнь. Я предложил капитану, свои услуги в качестве моряка. Он согласился, и даже назначил мне жалование с надбавкой за то, что я обучаю его людей грамоте. Образование несет великую пользу.

Многие члены экипажа знакомы мне, например мои ученики они радушно приняли меня в команду. Правда, не все. Джанило Галиэра, после шторма стал старпомом, он был не рад тому, что на корабле появился, как он выразился – сухопутный, никчемный кусок обезьяньих экскрементов, неспособный даже вытереть собственные сопли.

Сегодня меня обучали самому простому, вязать узлы. На какой-то миг я вдруг почувствовал себя частью команды, они даже смеялись надо мной. Я не злился, мне показалось это забавным.

Ближе к полудню я уснул, расположившись в гамаке. Джанило Галиэра облил меня из ведра, водой, которой драили палубу. Я возмутился, но он сказал что, если бы я не был членом экипажа, он бы этого не сделал. Возможно, как для члена команды, это справедливое наказание, за безделье.

Хоть я и стал, от части, членом экипажа. Меня по сей день не пускают в трюм. Меня отныне посетило любопытство.

8 января 1639 год

Сегодня мне во сне явилась моя жена, Изабэль. Она плакала во мраке, будто оплакивая мою кончину. Любил ли я её на самом деле? Всё чаще мне приходится задуматься, над прожитыми днями. Я её, пожалуй, не любил. Мой выбор не пал на неё. Она просто была рядом с самой моей юности. Наши состоятельные родители дружили и подталкивали нас друг к другу. Они в большей мере были заинтересованы в нашем браке.

Изабэль прекрасная дама, добрая и милая, само очарование. Но взгляд её, мне оказался чуждым. Он вроде бы родной, но, отстраненный, витавший где-то в стороне. Я не увидел в её взгляде той глубины, что поглощает без остатка. Но смог его увидеть я у Натали, её глаза, её взгляд, так сразу озаривший моё сердце, он похитил меня у этого мира.

Если бы не Натали, я бы так и провёл свою жизнь в роскоши и изобилии. У меня родились бы дети, и мы так и жили бы в поместье до самой нашей старости. Но жизнь моя пронеслась бы мимо, словно пролетающие надо мною птицы.

Я чувствую, как ветер свободы окутывает меня целиком.

16 января 1639 год

Жизнь на корабле обыденна. Здесь редко что-то происходит. Все заняты одним и тем же делом, изо дня в день. Кругом бескрайний океан, уносящий нас далеко за горизонт

Самым любопытным явлением за всё время, стало появление китов. Целая стая огромных китов, проплывала совсем неподалеку от нашего корабля, по правому борту.

Глядя на порой всплывающих с поверхности величественных существ, фонтанами испускавших воду. На миг я вдруг задумался о том, что они самые большие существа, которых мне доводилось видеть. Интересно, есть ли кто-нибудь больших размеров, чем киты?

Один моряк по имени Себастьян поведал мне, что довелось ему услышать пение китов. Он с таким интересом рассказывал, что мне казалось, будто он превращается в поющего кита. Это кажется невероятным, но опровергнуть это я не в силах. Мне любопытно стало взглянуть в глубины океана, познать какие тайны он в себе хранит.

К счастью, мне не довелось встретить китобоев. Людей, которые убивают этих красивых животных, мирно плывущих в синих водах океана, чтобы добыть у них китовый жир, использовать его как топливо для фонарей освещающих улицы городов. Я уверен, что наука способна дать нам то, что позволит человеку, жить так, чтобы ему не приходилось наносить ущерб нашей прекрасной природе.

Люди порой убивают самое прекрасное, что их окружает.

1 февраля 1639

Случилось ужасное. В сумеречных преддверьях, когда солнце уже почти зашло за горизонт наш корабль и корабли, неведомые мне ранее, сошлись в битве.

Я никогда прежде не видел таких кораблей. Огромные, прямоугольные, словно плывущие деревянные ящики. У них не было парусов. Плыли они благодаря нескольким десяткам длинных весел, стремительно приближавших к нам загадочные суда.

Весла двигались синхронно, каждое движение сопровождалось возгласом раздававшимся вдали. Наш капитан насторожился и приказал развернуть корабли. Я поднялся на верхнюю палубу. Члены экипажа замерли в предвкушении битвы.

Корабли остановились, замерев в тянущемся ожидании, казавшемся мне тогда вечностью. Весла их кораблей были подняты вверх. Наши пушки были готовы к залпу.

С их кораблей раздался вопль, предвещающий битву. Вёсла вновь начали грести, с большей силой, стремительно приближая к нам корабли. С их бортов будто взлетело облако птиц, вырвавшихся на свободу, поднявшись вверх, они летели в нашу сторону. Мгновение спустя,

стало ясно, что это вовсе не птицы. Это были стрелы, яростно со свистом падавшие на нас с небес. Стрелы пронзали моряков и впивались в обшивку корабля.

Капитан немедленно скомандовал к залпу. Прогрели зловещие раскаты пушек, извергнув огненную мощь. Так больно бьющие по сердцу, громкие раскаты пушечных залпов, повергли меня в ужас.

Я дрогнул, у меня затряслись колени, я чувствовал, как меня поглощает страх. Как ужас меня обуявший, заставил меня трепетать перед ликом смерти и разрушений. Я безмолвно стоял, глядя на раненных моряков и кругом вонзающиеся стрелы. Если бы не Джанило Галиэра, возможно я бы встретил в тот момент свою погибель. Он отвесил мне пощечину, которой равной не было по силе, никогда. Шлепок от удара стал для меня громче пушечных залпов. Я сразу пришел в себя и не держась за болевшую щеку бросился помогать морякам.

Продолжали греметь сокрушительные пушечные залпы, извергая из пушек сотни ядер. Джанило Галиэра громко взывал капитана, чтобы тот приказал всем покинуть верхнюю палубу. Капитан отказал ему, сказав, что на палубе есть пушки, из которых кто-то должен стрелять и что его моряки не трусы.

Некоторых моряков, которых настигли стрелы, я оттаскивал внутрь корабля. Там их относили в более безопасное место. Пушечные залпы наших кораблей сокрушали обшивку их и даже поджигали. Я видел, как пылающие корабли продолжали приближаться. Окутанные пламенем суда были совсем близко, вёсла продолжали грести, невзирая на пламя. Один корабль, медленно начал тонуть.

Вдали прозвучали ответные залпы пушек, пушечные ядра обрушились на наш корабль. Кругом летали древесные щепки и раздавался хруст древесины. Стоны изнывающих от боли моряков я слышал отовсюду. Я словно впал в безумство, я не замечал кругом возникший ужас. Мое сознание словно воспаряло над происходящим, я видел всё, я всё, осознавая, продолжал оттаскивать раненых. В один миг я будто понял, что так и должно быть.

Один корабль протаранил бриг «Меркурий». Тот хоть и был меньших размеров, он все же устоял, смог дать ответный, последний залп, затем на нем разразилась безжалостная битва.

Другой корабль приравнялся бортом с нашим. Капитан дал команду на последний залп. Пушки прогремели, в упор, обрушив на корабль сотни ядер, в древесные клочья, разорвавшие их правый борт.

Они пошли на abordage. Я до той поры не мог себе представить подобных воинов, одетых в чёрные доспехи с масками, у них не было мушкетов, они сражались, держа в руках два меча, один был длиннее другого. Они словно были обучены ремеслу убийства. Клинки в их руках будто становились их продолжением, они двигались изящно и грациозно. В отличие от наших моряков, редко державших саблю, которые били не глядя.

Эти воины неистово убивали наших людей. Я был безоружен, я хотел отойти, но споткнулся о тело лежавшего за моей спиной моряка. Я упал. Один из воинов вознес надо мной свой клинок, собираясь его на меня обрушить. Я видел, как в его клинке сверкнуло багровое отражение заходившего солнца. Будто закат этого дня становился закатом моей жизни. Но откуда-то раздался выстрел, сразивший того воина, не знаю кто выстрелил, но он спас меня в то мгновение.

Я поднял голову и увидел стоявшего неподалеку Джанило, в его тело впились три стрелы, в руку, в плечо и в ногу, он обломил их, оставив наконечники в своем теле и буйствуя, свирепо продолжил битву, истекая кровью и, невзирая на полученные ранения.

Кто же эти неистовые воины, так хладнокровно убивавшие нас? Казалось им не было равных, во владении мечом. Они, ни на миг, не задумываясь, рубили моряков. Их с трудом смогли остановить наши мушкетеры. Расстреливая их, издали, они не давали им шанса атаковать клинками. Даже под натиском мушкетного обстрела, эти бесстрашные воины продолжали наступать, они приближались, крепко держа в руках клинки. Никто из них не дрогнул

и не отступил, им неведом страх. Мушкетные пули пронзали их доспехи, они, падая на колени, пытались подняться и продолжить, но, увы, они, безмолвно увядая падали вниз. С одного из них слетела маска, я увидел, как искренне он улыбнулся, встретив свою смерть с улыбкой.

Нам с большим трудом далась победа. Если бы не пушки и мушкеты, мы бы были обречены на поражение. Наше численное превосходство абсолютное ничто, по сравнению с их безупречной техникой сражения. Ни один моряк нашего корабля, не обладает такими навыками, как те, которых победили не мы, а наше оружие.

Одного из этих воинов мы взяли в плен. Когда мы его нашли, он был без сознания. Видимо его отбросило взрывом, и он ударился головой. Его связали и поставили на колени. Он не сопротивлялся, он поднял голову и устремил свой взгляд в небо. Он осматривал нас, глядя на нас, он широко и искренне улыбалось. На него направили мушкеты. Он не боялся. Он был рад. Каждый моряк был готов разорвать его в клочья, за это нападение. Но я видел страх в их лицах, когда они смотрели на этого улыбавшегося в лицо смерти, воина.

Он с трудом произнес лишь одно. Нам было трудно это понять, но нам показалось, что он попросил о том, чтобы ему подали его короткий меч и позволили завершить свою жизнь. Команда была в недоумении. Хоть он оставался один, они его боялись. Я, взяв на себя смелость, поднял его короткий меч и положил рядом с ним. Команда насторожилась, я успокоил их, сказав им, что они в любой момент могут его расстрелять.

Джанило Галиэра разрезал веревку, связывавшую его руки. Я услышал, как несколько моряков взвели свои мушкеты, у одного из них затряслись руки.

Воин твердо сел на колени, взяв в руки короткий клинок. На верхней палубе зависла тишина. Он в преддверьях смерти, улыбнулся, и вонзив клинок себе в живот, поперхнулся, изнемогая от боли он издавал ужасающие стоны. Джанило Галиэра стоял за его спиной, он поднес к его затылку мушкет и будто не желая слушать его предсмертные стоны, выстрелил ему в голову, избавив его от мучений.

Позже, капитан рассказал мне о том, что слышал о бесстрашных воинах, живущих на востоке. Затем удивленно добавил, что для него это честь, встретится с таким воином.

3 февраля 1639 год

Я вышел из тени роскоши и изобилия, оказавшись под ударом лучей жизни, теплых, горячих, порой пылающих, сжигающих и даже грохочущих как пушечные залпы.

Вкус жизни перестал быть прежним. Мне становилось неистово грустно и печально, когда мы убирали тела наших павших в бою товарищей. Мне было не так просто сдержать слёзы, когда я оттаскивал терявшее тепло тело Себастьяна. Совсем недавно мы вместе вязали узлы, а теперь, многие из них, пали в забвенье. Как жаль осознавать, что человек, с таким интересом поведавший мне о пении китов, никогда не промолвит ни слова. Теперь он будет жить лишь в нашей памяти.

Капитан запретил снимать доспехи с тех воинов. Он с честью отнесся к своим противникам. Быть может, в глубине своего сердца, он понимал, что мы на самом деле проиграли эту битву. Что мы словно трусы спрятались за раскатами пушек и пороха. Трудно смириться с тем, что слабые люди, могут побеждать сильных, лишь благодаря оружию.

Тела наших моряков и тех бесстрашных воинов мы завернули в парусину и передали их глубинам океана. Они уходили, погружаясь под синее покрывало, которое покроет их вечный сон. Как жаль вновь не свидеться с теми, кого поглотил океан, их смех не услышать, мне больше не увидеть храбрый их взор.

Я подобрал тот клинок, который взнесся надо мной, едва не лишив меня жизни. Капитан не возражал.

Смерть окружающих меня людей делает меня печальным, но вот размышления о моей собственной смерти, заставляют меня смотреть на мир иначе. Глядя на то, как тот воин сам

завершил свою жизнь, я понял, что это и есть истинная свобода, до последнего вздоха распоряжаться собственной жизнью. Возможно свобода, это способность самому принять решение, когда сделаешь последний вздох.

4 февраля 1639 год

Сон и покой меня покинули. По ночам мне слышатся раскаты пушечных залпов и крики моряков. Стоит мне сомкнуть глаза, как вдруг возникает во мне чувство страха. Мое тело сковывает, постепенно сжимаясь, затем я просыпаясь глубоко вдыхая. Прежде мне не доводилось испытывать подобных мучений.

Неподалеку от меня уютно расположился Джанило Галиэра, он крепко спит. Его ничто не в силах побеспокоить. Мне начинает казаться, будто вся его жизнь была наполнена страданием и подобными кровопролитными боями. Глядя на его невозмутимую физиономию, я вдруг вспоминаю, как накануне он безжалостно пристрелил того воина. Желал ли он гибели? Или напротив, милосердно прекратил его предсмертные страдания.

Выходя на верхнюю палубу, освещенную лунным светом, я вижу раскинувшиеся за горизонты океан, так много, поглотивший славных малых. Со мной вдруг что-то случилось. Во время боя я вдруг прикоснулся к смерти, оставаясь живым, будто побывал на забвенной границе между жизнью и смертью. Покой меня покинул вовсе. Кажется, время стало течь ничтожно медленно. Эта ночь становится бесконечной.

5 февраля 1639 год

Никто в моём поместье не мог обмолвиться со мной о смерти. Прежде мне не приходилось сталкиваться с подобным. Возможно слуги, уходившие от нас, вовсе уходили из жизни, но мне это было неизвестно. Возможно, мои родители не желали, чтобы я познал страдания, окружив меня роскошью и изобилием, они меня хотели огорчить от этого.

Но зачем? Какой смысл скрывать от меня неизбежное? Погибель неминуема! Умру ли я сегодня? Завтра? Быть может спустя сотню лет? Всем нам однажды предстоит кануть во мрак.

Прозябая на вершине холма, где раскинулось поместье моих родителей, я упускал жизнь. Я не ценил всех тех убранных меня окружавших. Нужны ли мне они? Мне нужны были крылья, чтобы вознестись над миром.

Я видел смерть лишь изображенную на картинах, воспетую в поэмах и сложенную в стихах. Но это всё ничто. Боль, которую она несет всеильна. Побывав в преддверьях мрака, жизнь моя становится иной.

Помнится мне, сидел я в чертогах своей, казалось мне тогда, уютной обители. Вид из окна демонстрировал мне красоты скалистого побережья. Моя просторная комната была наполнена лучшей мебелью и самыми изящными картинами и великолепными скульптурами. У меня был камин, из которого раздавался треск древесины, придворные слуги следили, чтобы пламя в нем не гасло. А моя прекрасная жена пела мне песни, своим голосом, доносившимся до меня словно пение птиц. И я помню грусть, так сильно обуявшую меня тогда. У меня было все и ничего одновременно. В моем сердце была брешь.

Натали, она явилась первым лучом света в моей жизни, она подвигла меня на побег. Я бросился вдаль за горизонт, чтобы её отыскать. За пределами моего обыденного существования я обнаружил жизнь, полную радости и печали.

Сейчас я сижу за столом, забившись в угол на сырой пушечной палубе. Свеча уже совсем догорает, почти не осталось чернил. Корабль плавно качают волны, каждое дуновение ветра доносит до меня прохладу. Я слышу, как лежа в гамаке кто-то храпит. Я чувствую себя живым, здесь, где я лишен тех удобств.

7 февраля 1639 год

Сегодня ночью я спал, и прежняя мучительная агония меня не тревожила. Находясь среди моряков, мне вдруг становится легче, мы словно делимся друг с другом своей болью, и она покидает нас.

Джанило Галиэра поймал большую рыбу. Подкрался к Джеку сзади, позвал его, тот обернулся и получил рыбой по лицу. Джанило продолжил избивать его за то, что ночью он напился ромом и заснул на вахте. Выглядело это весело. Джек убегал от Джанило, который бегал за ним и размахивая рыбой пытался его ударить.

17 февраля 1639 год

Мы высадились в бухте. Нашим кораблям необходим ремонт. Капитан не решился заходить в порт, толком и не обмолвился почему.

Здесь так красиво. Белый теплый песок ласкает мои измученные деревянными полами ноги. Свежий воздух океана обдувает моё тело, здесь на суше он кажется абсолютно другим. Мысль о Натали согревает моё израненное битвой сердце.

Мне начинает казаться, что команда себя странно ведет. Отказ капитана высадиться в порту, послужил первой причиной. Теперь, команду у трюма усилили. За все время, проведенное в плавании, я так и не побывал там.

Мне также не довелось увидеть, чтобы о Джанило Галиэра заходил в трюм, хоть он и старпом капитана, он держится в стороне. Ходит кругом и пристально всё разглядывает. Кажется, у него возникли подозрения.

Несмотря на некую недосказанность, команда осталась дружной, хоть нас и осталось после боя совсем немного. Капитан категорически отказался нанимать новых людей в городе. Сказал, что приведет не больше пяти человек. Как бы ни шли у нас дела, люди нам нужны, лишние руки для ремонта кораблей не помешают.

18 февраля 1639

Сегодня мне снилась Натали, наша беззаботная жизнь в одной из пещер этой бухты. Никакие дворцы и роскошная мебель не будут наполнены теплом и уютом без любимой сердцу дамы.

В моем поместье я был окружен роскошью, лучшие светские дамы проводили время под моей крышей. Но все балы и торжества, на которых мне довелось побывать, были лишены искренности. Люди там сплетничали друг у друга за спинами, обсуждая чужое имущество. Там я не чувствовал себя как дома.

Впервые я почувствовал себя человеком, когда моему взору предстал взгляд Натали. Когда я открыл свои чувства ей, она словно став мною изливала слёзы. Она искренне плакала, говорила, что всё это сон, но я ей твердил, что мы, наконец, проснулись.

Мы полюбили без слов, что наполнены лживой тьмой. Я мог сочинять ей баллады, стихи и поэмы, но она просила лишь об одном. Чтобы взор мой не стал очерненным, чтобы искренность он источал. Она смотрела на меня восхищенно. Музыка любви текла в наших сердцах. Мы были безмолвны, утопая в нашей упоенной любви.

Почему она ушла? Вот вопрос, разрывающий мое сердце на бесчисленное множество осколков. Она оставила письмо, я его так и не вскрыл. Возможно, я боюсь узнать правду. Но я намерен узнать, какой бы она не была, когда Натали скажет её, глядя мне прямо в глаза.

8 марта 1639 год

Дождь не стихает уже три дня. Работа по ремонту корабля замедлилась. Большинство моряков напиваются ромом, чтобы не продрогнуть от холода. Сегодня я осмелился и решил пробраться в трюм, когда моряки, стоявшие у его дверей, отправились дернуть по кружке рома.

Я был крайне осторожен. Если бы меня поймали, сказать, что я ошибся дверью, было бы весьма странно. Пришлось рискнуть.

За дверью я обнаружил лестницу, ведущую вниз. В трюме я обнаружил множество клеток, в которых находились разные животные. Многих мне не доводилось встречать и я не знаю, как они называются. Трюм оказался перестроен так, что в нем смогли уместиться даже жирафы. До той поры, про жирафов, я мог только услышать из уст одного скитальца, которому доводилось бывать в местах, где они обитают.

Изнеможенные, измученные звери, в их глазах я видел лишь тоску и боль. На меня нахлынуло дикое желание открыть все клетки и выпустить их на волю. В одной из клеток я увидел белых тигров, такие же были изображены на доспехах и флагах тех воинов и на клинке, который я поднял, тоже изображен тигр. Мне вдруг показалось, что именно эти тигры послужили причиной нападения.

Они смотрели на меня, словно взывая о пощаде, будто выпрашивая у меня свободу. Если бы я их выпустил, то бежать им было бы некуда, кругом вода. А до берега плыть довольно далеко.

Когда я развернулся, чтобы уйти, передо мной предстал Джантло Галиэра. Тогда я дрогнул от испуга. Я был готов к тому, что он меня яростно обругает. Но в тот момент в его глазах не было прежней озлобленности, увидев зверей лишенных свободы, он словно проникся искренним состраданием.

Он просунул руку в клетку к белому тигру. Тот, медленно подходя, подsunул голову под его ладонь. Джанило гладил тигра, а тот в ответ тихо урчал. Они, будто два встретившихся зверя, смиренно трепещущих, друг перед другом.

Джанило Галиэра подошел ко мне, и глядя прямо в глаза, отвесил мне пощечину. Наверно даже тигры отвернулись, чтобы этого не видеть. Он говорил тихо, так чтобы нас никто не услышал. Говорил, что это небезопасно, находиться здесь. Спрашивал, почему я сую свой нос туда, куда чайка не нагадит. Он недолго тихо поворчал, затем отвесил мне ещё одну пощечину, уже по другой щеке и устремился прочь, я покинул трюм следом за ним.

10 марта 1639 год

После нашей встречи в трюме, мы с Джанило не разговаривали. Мы пару раз встретились взглядом, но не более того. Теперь он кажется мне ещё озлобленней, он словно рассердился на моряков за то, что они смогли допустить подобное. Я не стал обсуждать это с капитаном, ибо это могло обернуться для меня неприятностью и для Джанило тоже.

25 марта 1639 год

Мы в спешке покинули бухту, в которой пребывали недолгое время. Ремонт кораблей так и не был завершен. Капитан взволнован. У меня сложилось впечатление, что мы уходим от погони. Капитан всё чаще смотрит в подзорную трубу. Он оправдывается, утверждая, что нам не стоит попусту терять время, и мы можем на плаву ремонтировать корабли.

30 марта 1639 год

Мы продолжаем блуждать в бескрайних водах океана. К счастью, погода нам благоволит, и шторма не предвидится. Прохладный ветер наполняет наши паруса, унося нас вдаль.

Капитан загружает нас работой. У меня совсем не остается времени. Ближе к вечеру, когда у меня едва хватает сил чтобы выпить чаю, я засыпаю. Едва я ложусь, меня в тот же миг окутывает сон. Ночи проходят незаметно. Солнце восходит над океаном, наступает новый день, я чувствую себя отдохнувшим, будто после вечного сна, работа продолжается.

17 апреля 1639 год

Мы прибываем. Вот уже на горизонте я вижу остров. Капитан сказал мне, что остров этот известен лишь нескольким людям, и побывать на нем, это честь. Хотя мне этот остров, кажется обыденным.

Совсем скоро, когда мы покинем этот остров, корабль прибудет к побережью, где я смогу отыскать Натали. Я предвкушаю нашу встречу, как бережно и крепко я её обниму. Глядя на приближающийся скалистый остров, я будто приближаюсь к ней.

23 апреля 1639 год

Странными показались мне последние дни. Мы приблизились к острову, но сходить на него не стали, бросили якорь в бухте. Теперь волны заботливо нас укачивают. Никто из команды не задаётся вопросом, чего же мы ждем. Порой мне кажется, что все матросы знают, а я нет. Я начинаю чувствовать себя чужаком.

Я и Джанило Галиэра не подаем вида, что узнали тайну охраняемого трюма.

26 апреля 1639 год

Меня разбудили крики. Я вскочил с гамака, схватил клинок и побежал на верхнюю палубу. Мне на ум пришла мысль, что вновь грядет морская битва, я был напуган.

Выбежав на верхнюю палубу, я обнаружил на ней несколько избитых моряков, некоторые из них стонали от боли. У одной из мачт на коленях стоял Джанило Галиэра, он тоже был избит, но не так сильно, как остальные. Его держали трое моряков, им это едва удавалось. Мне сразу стало ясно, что этих моряков избил Джанило.

Рядом стоял капитан, и пытаясь остановить кровь из своего разбитого носа угрожал Джанило трибуналом за неподчинение и нарушение охраняемой зоны. Поскольку его поймали в трюме, где находится запрещено.

Я подошел вплотную, встретившись с Джанило взглядом, я смог узреть в его глазах неподдельную ярость. Он смотрел на них, будто рассвирепевший хищник, готовый вцепиться в их плотики и разорвать на части.

Джанило пробрался в трюм и хотел покормить оголодавших животных. За это он должен был поплатиться. Капитан окликнул одного моряка и попросил его принести розги, чтобы высечь, как он выразился, преступника. Джанило сопротивлялся, не взирая, на численное превосходство команды, он был готов бесстрашно кинуться в бой. Моряки страшились его, ведь он смог избить двенадцать человек, некоторые из их числа были гораздо крупнее, чем он. Его привязали к мачте, крепко связав руки.

Когда принесли розги, капитан сказал, чтобы били до тех пор, пока от его рубахи не останется ни единой нитки. Трэвор, один из самых крупных членов команды, отводя за спину розги, обрушивал на Джанило, казалось, сильнейшие удары. Джанило не произнёс ни звука, ни стоана, даже не дрогнул. Он улыбался и кричал, что жена Трэвора была бы рада, если его сожрали акулы и к ней вместо него вернулся Джанило. Трэвор злился и бил с большей силой. Сомневаюсь, что жена Трэвора и Джанило знакомы, но звучало убедительно.

Я обомлел, когда с него сорвали рубаху. Вся его спина была покрыта шрамами от ударов розги и ожогов. На его предплечье я увидел рабское клеймо. Это клеймо принадлежит сахарным плантациям моего отца. Джанило Галиэра оказался беглым рабом. Капитан приказал Трэвору остановиться, тут же достав пистолет. Он заявил на всю палубу, что беглому рабу не место на его корабле. Будь Джанило простым моряком, ему бы удалось избежать казни, ему хватило бы ударов розги. Но по мнению капитана, раб не может быть моряком торговой компании, он вовсе не считается человеком.

Капитан прицелился в лицо Джанило, который смотрел прямо в его глаза, без крупинки страха, лишь с глубокой яростью и отвращением. Капитан дрогнул, хоть он смотрел на Джа-

нило с цинизмом, будто перед ним сидит ничтожество, взгляд его выдавал страх, страх перед тем, кто смерти не страшится.

Я остановил капитана, заявив право на раба, я предъявил ему необходимые бумаги, подтверждающие моё происхождение и что Джанило Галиэра, носящий клеймо поместья моего отца, является моей собственностью. Капитан обезумел, он не мог в это поверить и угрожал мне расправой. Я предупредил его, что в моем поместье знают, на каком корабле я нахожусь, и если капитан убьёт меня, мой отец узнает об этом и не оставит это деяние безнаказанным.

29 апреля 1639 год

Случилось то, чего я предвидеть не смог. Капитан нашел способ избавиться от меня и Джанило, не убивая нас. Он потребовал меня покинуть корабль и забрать с собой всё свое имущество. Никогда не смирюсь с тем, что Джанило, он называл имуществом.

Капитан вдруг возомнил, что я не сойду на неизведанном острове и передам ему право на жизнь Джанило. Он ошибся, я без тени сомнения погрузился в шлюпку и гордо взял вёсла. Джанило сел напротив, его руки были связаны, он не смотрел на меня. Он лишь сердито увёл взор в сторону.

Я развязал ему руки и сказал, что отныне он свободен и мы в равных условиях, он ударил мне по лицу. Что ж, я этого достоин, я это заслужил, как и люди подобные мне.

Как странно, что раньше я не замечал, как тяжело приходится рабам. Я даже и не задумывался над тем, какие ужасы происходили на плантациях, благодаря которой моя семья имела свои богатства.

Сидя в одной лодке с человеком, который испытывает ко мне ненависть всем своим нутром, мне стоило бояться. Но страха не было, я вдруг узрел в нем человечность, большую, чем в ком либо, великую человечность. Он познал страдания и боль. По неизвестной мне причине, я предпочел разделить с ним его участь.

4 марта 1639 год

Джанило меня не покинул, он заявил мне, что отныне я его пленный, но дал мне право на побег, чтобы я считался беглецом. Я же решил держаться с ним, так у меня будет больше шансов на выживание.

Он весьма грубый, пожалуй, таким и должен быть человек, жизнь которого, была наполнена страданиями.

Мы долго блуждали в джунглях, в поисках пристанища. Мы вовсе не разговариваем, да и сомневаюсь, что ему найдется, о чем поговорить с человеком, который причинил ему столько боли. Мне кажется именно таким он меня и считает, хотя я не имею никакого отношения ни к плантациям, ни к рабам, разве что я пользовался всеми богатствами, полученными при помощи насилия творящегося там.

Мой отец редко говорил мне о плантациях, но я запомнил лишь то, что многие люди умирают от голода и нищеты, не являясь рабами, а рабы моего отца были сыты. Да, они много работают, но они продолжают жить, хоть жизнь их столь тяжка. Ещё он говорил, что поступает плохо, чтобы нам было хорошо. Возможно, он понимал, насколько этим людям тяжело живется.

5 марта 1639 год

Сегодня я видел красивую птицу, у неё длинный желтый клюв с красным носом. Птица села на плечо Джанило вовсе его не испугавшись, Джанило даже не предал этому значения, продолжил идти, прорубая нам путь. Птица села, будто на ветку, почесав голову лапой, издала удивительный звук и улетела прочь, продолжив издавать звук.

Мы нашли пещеру, по стенам которой стекает вода. Я умываюсь её прохладой. Пещера очень глубокая и в ней очень темно, боюсь представить, какие тайны она в себе хранит.

Мы с Джанило вовсе не разговариваем, сидим возле костра и наблюдаем, как догорают дрова. Хотя я и пытаюсь с ним заговорить, он лишь бросает на меня суровый взгляд, и я понимаю, что беседа не состоится.

Блуждая в джунглях, я выбросил почти все свои вещи, чтобы было легче передвигаться. Осталось немного одежды, бумага и чернила. Джанило не одобряет то, что я делаю заметки.

6 марта 1639 год

Я окинул взором горизонт, блуждая по пустынному пляжу, я вдруг обратил внимание на то, как чайки парят наперекор ветру. Расправив крылья, они будто зависают в воздухе, а порывы ветра не позволяют им лететь дальше. Сейчас я желаю уподобиться птице и улететь к Натали, сесть возле её окна и слушать её пение, глядя в её прекрасные глаза.

К сожалению, время моей встречи с ней мне отныне неизвестно. Я размышляю о том, что мог бы сейчас находиться на корабле и ждать скорейшей встречи. Так и было бы, если я отдал Джанило в руки капитана. Но я предпочел сохранить ему жизнь, тем самым продлив разлуку с Натали. Пусть он даже не оценит этого, главное, что совесть моя останется чиста.

9 марта 1639 год

Темные тучи стянулись над нашими головами, заслонив небо. Теперь над нами простирается грохочущая мрачная пелена. Вот уже два дня не стихает буря. К счастью пещера охраняет нас от нависшей грозы.

Ветер к нам не залетает, хоть снаружи завывает и вода к нам не заходит, хоть снаружи она бродит.

Сегодня Джанило сказал мне, что сегодня ночью он проникнет на корабль, чтобы завершить там некое дело. Он предложил мне либо пойти с ним, либо попрощаться. Сбежать я от него не могу, так что, отныне мы в одной лодке и грести нам предстоит вместе.

14 марта 1639 год

Быть может, многие меня сочтут глупцом, если я поведаю им об этих невероятных событиях, что довелось мне созерцать.

Вечером, того же дня, мы с Джанило оправились в путь. Шлюпка нас ожидала на мысе, плавно перекачиваясь на волнах. Джанило рассчитал всё таким образом, что течение, несло нас прямо к кораблю, нам оставалось только вёслами поправлять курс. Нас не пугали ни волны, ни ветер, ни бушующая всюду гроза. К тому времени, пока мы достигали нашей цели, буря усилилась, и раскаты грома становились все громче. Волны поднимали нас все выше и каждый раз, мы будто с них обрушались вниз. Если бы Джанило не привязал нас канатом, мы бы точно вылетели и отправились на встречу с акулами.

Настигнув корабль, Джанило уперся веслом в его борт, избежав удара. Мы бесшумно проникли на пушечную палубу. Правда, я едва смог удержаться, чуть не упав в океан, Джанило вовремя меня подхватил.

Мы были крайне аккуратны, пробирались среди спящих в гамаках моряков так тихо, что шепот ветра мне казался криком. Я чувствовал, как в моей груди бьётся сердце, и каждый раскат грома предвещал собой чьё-то пробуждение, но моряки напились рома и заснули, а волны их укачали.

Добравшись до трюма, мы обнаружили, что охраны нет. Но были начеку. Путь был свободен. Спустившись вниз, мы устремились вглубь трюма, как оказалась, в трюме был ещё один этаж, так далеко я ещё не заходил.

Внизу царила крошечная тьма, но приближаясь, я видел, как кругом загорался свет разных цветов. Сперва, тускло, едва заметно, а затем, стало видно чёткие образы, это были обезьяны разных цветов. Обезьяны, чья шерсть светилась разными цветами! Это просто невероятно! Они, покорно сложив головы, сидели в своих клетках. Когда Джанило начал их освобождать они не бросились в бегство, они тоже начали отпирать клетки, даруя свободу себе подобным.

Но в большем восторге я был, когда услышал человеческую речь из уст одной обезьяны, шерсть которой светилась, синим цветом. Она тихо поблагодарила Джанило за дарованную свободу, это была девочка с тонким изящным голосом. Я просто обомлел я удивленно раскрыв рот молча следил за происходящем.

Джанило вновь привел меня в чувства, отвесив мне крепкую пощечину. Никогда к этому не привыкну.

Возможно, стук бьющейся о борт шлюпки кого-то смутил, но на палубе раздался сигнальный колокол. Послышались шаги, команда была поднята по тревоге. К тому времени все сорок семь обезьян были на свободе.

Выхода из трюма не было, если бы взорвали стену, то остальные животные могли пострадать, мы решили прорываться. Я не думал о том, что впереди нас будут ожидать, полторы сотни матросов.

Джанило первым устремился на верхнюю палубу, я бежал следом, обезьяны мелкими, но частыми шагами бежали за нами. Он, выбежав на палубу, без единой мысли, без единого сомнения, бросился в бой, в полусонную, полупьяную толпу, в которой все до единого его страшились.

Началась рукопашная драка, я то и дело наблюдал, как Джанило сокрушает всех, кто, попадался ему на пути, я сторонился его, опасаясь, стать жертвой его неистовой ярости. Я в схватке, как и остальные, старался себя защитить. Джанило без устали наступал, будто вовсе, невзирая на полученные удары, бил своими огромными и крепкими кулачищами. Обезьяны набрасывались на моряков, избивая их крохотными лапами. Моряки отбивались от множества низкорослых противников, которым удавалось сбить их с ног.

Те, кому удавалось его ударить, были тут же повержены. Любой удар, достигавший Джанило, словно наполнял его силой, он становился свирепей самого дикого зверя. Когда на палубе безмолвно лежали больше дюжины моряков, команда в ужасе содрогнулась. Нас окружили, но отстранились от нас, никто не смел, вступить с нами в бой. Я видел ужас в их глазах, вселяемый той силой, которой Джанило был наделен. Они боялись его больше смерти.

Раздался выстрел. Я подумал о том, что неужели кто-то додумался выстрелить, и нам предстоит встретить смерть, будучи расстрелянными. Разумеется, если бы мы там погибли, я бы уже не смог сделать этих записей.

Как оказалось, капитан выстрелил из своего мушкета в Джанило. Он целился ему в голову и попал в левый глаз. Тот даже не пошатнулся. Команда смотрела, как пред ними гордо стоит, безумно улыбаясь, свирепый воин. Сами скалы дрогнули от его вопля, который он изверг. Он бросился на капитана и ударил его кулаком в шею. Казалось, его удар способен отсечь ему голову, но капитан, поджав плечи, упал и начал дергаться и кряхтеть.

Джанило стоял над падшим капитаном, прикрыв ладонью раненый глаз. По его щеки стекала кровь. Он прекратил безжалостно биться, сперва, лишь стоял, глубоко дыша и яростно глядя на напуганных матросов оставшимся глазом, затем разбежался и прыгнул за борт. Я и обезьяны устремились за ним.

Лишь глядя на приближающуюся поверхность океана, в моей памяти просочилась страшная мысль о том, что я не умею плавать. Оказавшись под водой, я почувствовал, как моя одежда стала тяжёлой, океан словно хотел меня поглотить, мне было тяжело. Я начал дергаться, ударяя руками об воду, я пытался оставаться на плаву, но попытки были напрасны, я лишь попусту

тратил свои силы. Всё происходящее мне стало безразличным, я думал лишь о выживании. Меня окутали паника и страх.

Когда мои силы иссякли, я словно смирившись с неминуемой кончиной, медленно погрузился во мрак ночного океана. Вдруг предо мной явились две обезьяны, одна была желтого цвета, а другая зеленого, их шерсть ярко светилась, они плавно погрузились и взяли меня под руки. Я испытывал странное чувство, будто уподобившись рыбе, я мог дышать под водой. Они не вытащили меня на поверхность, бережно держа, несли меня под водой. Глядя вперед, я во мраке увидел свет, обезьяны, парящие под водой, светились разными цветами и устремились вдаль, уплывая от корабля.

Над нами раздались глухие пушечные залпы, затем я увидел медленно тонущие ядра. Обезьяны перестали светить, чтобы их не было видно. Надо мною вновь сгустился мрак.

Очнулся я в пещере, лежа в пальмовых листьях. Неподалеку лежал раненый Джанило, вокруг него хлопотали обезьяны, три из которых, склонив головы, сидели около его головы, положив свои маленькие лапы разных цветов ему на лицо. Взглянув на него, мне стало ясно, что дела его плохи. У него был жар, он лихорадил. И ещё, мне показалось удивительным, что у всех обезьян на лицах повязки, которыми они закрыли левый глаз, мне показалось это глубоким и искренним состраданием к Джанило.

Как жаль, что я вовсе не знаком с медициной, как бы эти знания мне могли бы сейчас помочь вылечить Джанило. Эти обезьяны попросили меня не беспокоиться, что вполне возможно им удастся исцелить его. Странно это, слушать, как оранжевая обезьяна, которая представлялась как Брикко, сказала, что некие Магаи, называют их Всецветами, и что они, эти обезьяны, то есть Всецветы, могут исцелить ранение Джанило.

Сейчас мне трудно это понять, но взглянув на ранение, я обнаружил, что кровотечения нет. Но на месте левого глаза у Джанило мушкетная пуля. Вынимать её пока опасно, кровотечение может возобновиться. Похоже, что заряд капитанского мушкета был слаб, и пуля лишь нанесла непоправимый урон глазу, не повредив мозг. А может, случилась осечка. Или же Джанило настолько крепок, что даже выстрел в голову его не погубил?

Всецветы поведали мне, что в глубине этого острова находится лагерь, где в плену содержатся ещё около пяти сотен их сородичей. Они весьма дружелюбны, многие из них подходят ко мне, интересуясь, что я пишу. Кто-то даже любопытно заглядывает в тетрадь. Как оказалось, все они имеют читать. На вопрос о том, кто же их научил, они лишь кивают плечами и говорят, что всегда это умели. Но они умалчивают о своем происхождении.

16 марта 1639 год

Солнце взошло надо мною два раза, столько же оно утонуло в океан. Джанило не приходит в себя, но кажется, что ему становится лучше. Всецветы постоянно уходят в джунгли и приносят оттуда много фруктов. Я нарубил больше сотни палок и заточил их, получились острые копыя для Всецветов, на случай если нам придется обороняться.

Они очень организованны, действуют сообща. Несколько раз в день я слышу от них, вопрос о том, хорошо ли я себя ощущаю. Они сменяют друг друга сидя у головы Джанило. Цвет его кожи уже не кажется бледным, надеюсь, он поправится.

Я, Имко, Ситко и Рауко сегодня пошли к водопаду. Имко и Ситко фиолетовые Всецветы, а Рауко бежевый. Сегодня у меня состоялся урок плавания. Погрузившись в мелководье, я начал пытаться плыть. Это не так-то просто удержаться на плаву. Я вдруг подумал про придворного охотничьего пса, прозвища я его не припоминаю, но вот помню, как видел его плывущем в фонтане. Ведь собаки не учатся плавать! Они это умеют от природы, хоть не ведут образа жизни, так тесно связанного с необходимостью плавать. Видимо это инстинкт выживания побуждает их плыть. Мой инстинкт оказался слаб, раз я едва не утонул. Спасся благодаря

Всецветам, которые, кстати, утверждают, что плавать и дышать под водой они тоже не учились, они всегда это могли.

Отныне я позабочусь о своем выживании, а сперва научусь плавать. Сегодня, когда я терпел неудачи в попытках удержаться на плаву и уже хотел бросить это дело Рауко сказал мне, что я проплыл пару метров, и это заставило меня продолжить начатое. В попытках уподобиться рыбе я вовсе не заметил, как быстро пролетело время. Мы возвращались в преддверьях заката Имко и Рауко сидели на моих плечах, а Ситко перепрыгивал с пальмы на пальму и скидывал нам кокосы.

20 марта 1639

Джанило пришел в себя. Как бы трудно мне не было вести подсчет времени, но по моим подсчетам без сознания он пребывал в течение недели. После своего пробуждения он начал ворчать и потребовал ещё пару минут отдыха. Пару минут после недельного сна не будут лишними.

Едва он поднялся с пальмовой постели, как тут же принялся вкушать фрукты, накануне принесенные Всецветами, невзирая на то, что лишился одного глаза. Всецветы же смотрят, на него восхищаясь, будто пред ними предстал их спаситель, хотя на самом деле так и есть. Я от части, тоже им восхищен.

Джанило ладонью прикоснулся к векам, за которыми ещё совсем недавно был его глаз. Всецветы повторили за ним. Кажется, он заслужил их уважение. Глядя на меня, он сказал своим новым друзьям, что я пленный, и обходиться со мной следует подобающим образом. Они не предали этому значения.

Позже они поведали ему о лагере, где содержатся их сородичи. Он впал в ярость и кинул в меня банановой кожурой. Он вскочил и начал вслух разрабатывать план, по освобождению, ходя по кругу, а Всецветы пристально следили за ним. В конце своих недолгих размышлений Джанило воскликнул, что мы пойдем освобождать обезьян, он ещё не знал, что некие Магаи называют их Всецветами.

23 марта 1639 год

Мы изготовили около сотни луков и порядка тысячи стрел, выглядят они не совсем устрашающе, но стрелы летают с тихим свистом. Джанило мало что говорит, но когда мы нарубили ветки, он вдруг стал щедрым на историю о том, как в рабстве он проживал в окружении аборигенов, которые и научили его ремеслу выживания, в том числе и изготовлению луков.

Сегодня мы стояли на скале, над нами шумел водопад. Джанило умыл голову и спросил у меня о том, хочу ли я научиться плавать. Я ответил, что хочу. Он поднял меня над собой, будто во мне нет веса, и обрушил меня вниз со скалы. В месте, куда я упал было глубоко. Вновь оказавшись под водой, я начал стремиться к солнцу, пробивавшемуся через воду надо мной. Всплыв на поверхность, я глубоко вдохнул. В этот раз, я не был так напуган тем, что тону, я был скорее смущен.

Двигая руками и ногами, я вдруг осознал, что когда мои движения более плавные, тогда вода с меньшей силой меня поглощает. С трудом добравшись до камней, где глубина была меньше, я обернулся и увидел, что смог преодолеть пару метров, которые показались мне морской милей.

Всецветы находившиеся рядом с нами тогда, искренне за меня порадовались. Я понимал, что Джанило не желал мне зла, скидывая меня со скалы, но выразить ему благодарность я так и не смог. На обратном пути он поведал нам, что когда он был совсем юным, он бежал с корабля, когда тот, проходил мимо острова, плавать он не умел, так что его сочли утопленником. Вообще Джанило говорит крайне мало, но порой его уста изливают любопытные речи.

25 марта 1639

Этой ночью мы совершили нападение на лагерь разбойников, державших в плену Всецветов. Это нельзя назвать ожесточенной атакой, но опасность была близка. Разбойников оказалось совсем мало, около дюжины человек, Джанило обезвредил троих, а на остальных набросились сорок семь Всецветов. Разбойников связали и бросили в клетки.

Там, в больших клетках, плотно ютились больше трёх сотен Всецветов. Встретившись со своими сородичами, они засеяли яркими цветами. Джанило шепотом начал ворчать, чтобы те погасли, странно, но их шерсть светиться перестала по его просьбе.

Всецветы окружили Джанило, словно ожидая его мудрых наставлений. Он лишь сказал, что теперь нам нужен корабль. Джанило взял два мушкета, один дал мне, и мы двинулись вперёд.

Ночь обуяла остров. Мы пробирались в джунглях, всюду нависла тьма. Джанило шёл впереди так уверенно, словно мог видеть в темноте, порой мне кажется, что он действительно хищный зверь. Он угрожал Всецветам, сказав, что если увидит свет, чьей-то шерсти, то погасит его навсегда. Всецветы прислушались к нему.

В джунглях мы увидели огни. К нам навстречу шел отряд солдат в красных мундирах. Обойти их нам не предстало возможности. Джанило сказал Всецветам забираться на пальмы и ждать команды, когда прозвучит выстрел, они должны сверху атаковать солдат и добавил, что если засветиться один, то погибнут все.

Мы с Джанило отошли назад, чтобы солдаты оказались под пальмами, где их ждала засада. Он твердо поднял мушкет и сказал мне, чтобы я целился в офицера. Я поднял мушкет, у меня задрожали руки. Он, не отрывая взгляда от прицела, прошептал, что либо сдохну я, либо они.

Когда солдаты подошли к нам настолько близко, что свет их факелов нас почти осветил, раздался выстрел. Офицер упал с лошади. Я зажмурил глаза и тоже нажал на курок, почувствовав удар приклада. Едва солдаты смогли понять, что произошло, на них сверху обрушились Всецветы. Никто кроме офицера серьезно не пострадал, солдаты смогли отделаться ушибами и ссадинами. Мы их связали и забрали у них оружие.

К моему удивлению мы не двинулись к пещере, чтобы затаиться, Джанило повел нас к пляжу. Его слова про то, что нам нужен корабль, оказались правдой, он решил захватить «Викторию» которая при лунном свете дрейфовал в миле от пляжа.

Он и еще один Всецвет по имени Мирко, шерсть которого цвета зеленого поплыли первыми, сказав нам, чтобы мы ждали приказа. Прошло немногим меньше часа, когда под кораблем мы увидели три зеленых вспышки, ознаменовавшие наше погружение. Фико и Реко сели мне на плечи и сказали, чтобы я не переживал.

Я плыл под водой, предо мной стучалась тьма, два Всецвета несли меня за собой. Благодаря какому-то не постижимому способу я мог обходиться без дыхания. Во мраке нам изредка виделись вспышки зеленого цвета, направлявшие нас к кораблю. Я не знаю, сколько времени мы провели под водой, но подплывая к кораблю, я видел, что солнце уже восходило, едва освещающая корабль, дрейфующий на поверхности.

Мы встретились с Джанило под килем, при свете зеленого Всецвета я кивнул ему, намекнув о не гласном вопросе, что делать дальше. Он отвесил мне пощечину, опять. Но под водой боль ощущалась не так сильно.

Мы осторожно взбирались по борту корабля. Когда все проникли на корабль, корабль можно было счесть захваченным.

Члены экипажа проснулись от шума, раздавшегося на верхней палубе. Поднявшись, они встретились с представшим пред ними человеком, который смог в одиночку дать отпор всем им. Рана Джанило начала кровоточить, по его лицу стекала кровь, капая на доски палубы. Он

стоял, подготовившись вновь сойтись с ними в битве. Ни один член экипажа не осмелился сопротивляться, видимо на то были причины.

Команда покинула корабль. Теперь её членами являемся мы, два человека и около четырех ста Всецветов, разноцветных обезьян.

2 апреля 1639 год

Мы вновь плывем по бушующим под нами волнам. Ветер наполняет паруса, корабль мчится вдаль.

Членами нашей команды отныне являются, триста восемьдесят четыре Всецвета и два человека. Животные, живущие в трюме, скорее наши пассажиры, чем члены команды, мы ещё не решили, что будем с ними делать, сперва, мы их вдоволь накормили.

Оказывается Всецветы не только добрые и отзывчивые, но и весьма любознательные, они быстро постигли морское ремесло. На данный момент они обучились всему, что делали прежние моряки, во многом даже превзойдя их.

По ночам они собираются вместе, и взявшись за руки продолжают сиять. Пульсируя, их шерсть, разносит яркое свечение разных цветов, будто в такт биению их сердец Их свечение столь ярко, что, наверное, разносится на многие мили.

Джанило возмущен тем, что они своим светом могут привлечь не нужное нам внимание. Но он не может запретить им делать это, ведь как бы он не был разъярен, они продолжают сиять. Всецветы понимают его опасения и поэтому стараются, чтобы их сияние не длилось долго.

Поведать нам причину своего поведения они не могут. Видимо, они нам не доверяют и не могут выдать свои тайны нам, людям. Ведь именно люди обошлись с ними жестоко, лишив их свободы и заперев их в клетки. Даже самый свирепый хищник лишает свою жертву жизни, а не свободы. Трудно представить, чтобы с ними стало, если бы Джанило им не помог. Вполне возможно, их бы продавали на потеху ничтожной знати.

4 апреля 1639 год

О Натали. С каким восторгом я бы разделил с тобой этот момент, в окружении этих чудесных созданий, но, к сожалению, ты пока вдалеке, быть может, совсем скоро мы свидимся с тобой. Волны меня приближают к тебе, Натали. Ничто не ослабило и не в силах ослабить мою волю к нашей встрече. Ни эти битвы, ни даже преддверья смерти.

Порой, взирая на восход солнца, я вижу твои прелестные глаза, тянущие меня за собой. Я уверен, что ты меня не сочтешь глупцом, когда я поведаю тебе о Всецветах. Ведь помнится мне, как глядя на звездное небо, с тобой рисовали мы в нем, обводя звезды руками, мы размышляли о том, будто среди них мы живем.

13 апреля 1639

Ну вот, когда цель моя была, едва у моих ног и до побережья, где проживает Натали, оставалось плыть лишь день. Вновь произошли события, которые мне трудно описать.

Заслонив собой горизонт, перед нами предстал корабль не просто огромных, корабль величественных размеров. Хоть размеры его были более, чем впечатляющие и внушающие некий ужас, удивительнее было то, что корабль парил в воздухе. Киль его пролетал над нашими головами, а тень его полностью накрыла нас.

Завис над нами могучий корабль, и не было видно вершины его борта. Всецветы радостно ликуя, прыгали от восторга. Джанило был насторожен. Мне вдруг послышалось, как с борта стекает вода, наш корабль взмыл над покровами океана, приближая нас к небесам, где находилась верхняя палуба парящего судна. Тогда я вдруг почувствовал небывалую легкость, будто я воспаряю, и ноги мои отрываются от палубы, вознося меня к солнцу.

Мы поднимались всё выше, пролетая мимо закрытых, круглых пушечных окон, аккуратно вырезанных в борту того корабля. Джанило держал в руках мушкеты, приготовившись стрелять. Океан отдалялся от нас, а небо становилось к нам ближе.

Поравнявшись палубными оградами, мы встретились лицом с их членами экипажа. Это были здоровенные медведи! Медведи! Державшие в руках мушкеты и ружья, а у некоторых из них на плечах были пушки, и все они целились в нас. Я бы удивился сильнее, если бы я не знал о говорящих обезьянах, то есть Всецветах, но в тот момент я был готов спрыгнуть с корабля. В отличие от Джанило, который был тверд и непоколебим.

Из-за лохматой лапы одного из медведей, показался совсем маленький Всецвет, детеныш, а следом за ним ещё несколько. Всецветы на нашем борту отреагировали, увидев своих близких. В их глазах была, и радость и печаль. Но никто из них не перепрыгнул на борт, где стояли медведи. Видимо они оказались верны Джанило, который им так помог.

Я видел, как он смотрел, сострадая, он тихо произнёс, чтобы они убирались прочь с его корабля. Сперва Всецветы переглянулись, а затем, закрыв лапой левый глаз, тем самым проявив уважение ему, начали перепрыгивать на борт корабля. Некоторые подходили к Джанило совсем близко, чтобы прямо перед ним, закрыть себе левый глаз.

Вскоре, на нашей палубе остались лишь мы с Джанило. Он продолжал целиться в медведей, которые, не опуская оружия, целились в него. Между нами висела тишина, которую спустя пару минут прервал странный мужчина, подошедший к их палубной ограде.

Меня смутили его черные глаза, с ярко зелеными зрачками. Он улыбнулся нам, махнув рукой. Джанило предупредил его, если тот ступит на борт «Виктории», то он прострелит ему голову. Мужчина был заинтригован, но ничуть не испугался, ещё бы, ведь за его спиной стоят сотни медведей, в руках у которых ружья, мушкеты и пушки, чего бы вдруг ему бояться. Едва нога того мужчины коснулась нашей палубы, раздался выстрел. Пуля зависла прямо у горбатого носа того мужчины, даже не коснувшись его. Пуля, вращаясь весела в воздухе. За спиной того мужчины раздалось сотни оглушительных залпов. Я от испуга закрыл лицо руками. Сердце мое едва ли продолжало биться. Когда открыв глаза, я поднял голову, то увидел перед собой сотни парящих в воздухе пуль и даже несколько пушечных ядер.

Джанило был тверд, не уводя сурового взгляда, продолжал смотреть в зеленые глаза того улыбающегося мужчины. Я же был смущен, висящими над нами картечью и ядрами, которые в любой момент могли на нас обрушиться, хоть неведомая сила и сдерживала их.

Всецветы вдруг начали перебираться обратно на наш корабль, все они окружили нас, взявшись за руки, будто стараясь уберечь нас от нависшей угрозы. Джанило опустил оба мушкета, следом осыпались все пули и ядра, прямо у наших ног. Он повторил слова, сказанные ранее, чтобы Всецветы убирались с его корабля, а сам отправился в трюм. Всецветы внемли его просьбе, и начали перебираться. Я ушел вслед за Джанило.

Никто из их команды с нами не посмел разговаривать и больше не ступал на борт нашего корабля. Корабль наш продолжает висеть в воздухе. Что будет дальше неизвестно, но кажется весьма интересным и слегка пугающим.

5 апреля 1639 год

Мы, воспаряя в небе, плывем среди белого океана облаков. Корабли наши летят, прижавшись бортами. Неведомая сила продолжает удерживать нас в воздухе, трудно сказать, что случится, если сила вдруг иссякнет.

Я стал чуть ближе к звездам, но быть может, отдалился от Натали. Хотя возможно мы пролетели прямо над побережьем, где мог я её отыскать, но под облачным покрывалом не смог я этого узреть. Мне неизвестно сколь далеко нас уносит ветер и что будет с нами дальше. Никто с соседнего корабля так и удосужился начать с нами беседу. Джанило сказал мне, чтобы я, не думал перебраться к ним на корабль, иначе он воспримет это как побег и расстреляет меня.

Вечером, мы обнаружили огромную корзину с фруктами и овощами, стоящую на нашей палубе. Мы с Джанило, осторожно обошли её, внимательно осмотрев. Затем Джанило сказал мне, чтобы я начал пробовать эти фрукты и овощи, многие из которых мне раньше даже не доводилось видеть, ему видимо вдруг показалось, что нас хотят отравить, хотя наши трюмы заполнены провизией и мы могли проигнорировать дары наших небесных соседей.

Спустя пару часов, убедившись, что фрукты не отравлены, мы с Джанило сели рядом с корзиной и начали их вкушать. Многие фрукты оказались очень сладкими, ничего вкуснее я не пробовал. Я смог насытиться небольшим количеством еды. А вот Джанило опустошив корзину, объелся так, что заснул рядом с ней.

6 апреля 1639 год

Сегодня Джанило поведал мне о своем прошлом. Он приказал мне записать историю о нём, ведь вполне возможно мои записи могут вызвать в ком-то любопытство. Как бы жестоко и невероятно это не казалось, история его сошла с его уст, я лишь добавил правки речевые.

Жизнь его началась под раскатом пушек. Когда он был совсем юнцом, деревню его сожгли, а её жителей расстреляли или сожгли живьём. Он вспоминает, как услышал зов ужаса, доносящийся из одной хижины, люди там заживо сгорая, кричали, изнывая от боли и зывали о пощаде. Звуки те преследовали его много лет. Тех, кто покидал горящие дома, расстреливали. Всех, женщин, детей и взрослых, всех без разбора.

Джанило и ещё два паренька смогли затаиться в джунглях. Вскоре их поймали, одного убили, когда тот вздумал бежать, другой вскоре умер от лихорадки, Джанило попал в рабство. Он даже не может точно сказать, сколько раз он сбегал, покидая то сахарные плантации, то золотые прииски, где жизнь человека становилась мучением, где всюду царят боль и страдания.

Ежедневные избиения и истязания делали рабов покорными и послушными, но только не Джанило. Каждый удар, нанесенный ему, вызывал в нем злобу. Он говорит, что иногда он даже смеялся, когда плети впились в его плоть. От того стражи били с большей силой. Он показывал мне свои шрамы и рассказывал про некоторые. Он не помнит про каждый шрам, хотя выглядят они так, что забыть подобное просто невозможно. Один из самых запоминаемых, это шрам от клейма плантации моего отца, он с особой грустью поведал мне, что когда его клеймили, все его тело ощутило нестерпимую боль, будто кости его становились пеплом, когда раскаленный металл прожигал его кожу. Все его тело покрыто ссадинами и шрамами, трудно сказать, что в таком состоянии оно похоже на иные человеческие тела.

Хоть он и озлобленный, черствый грубиян, в нем есть что-то, чего многие лишены, человечность и сострадание. Удивительно то, что эти качества могли сохраниться в нём. Мне кажется, что другой человек, узнав, что я сын того, кому принадлежит его жизнь, просто растерзал бы меня. Да, Джанило иногда бьёт меня, отвешивает мне пощёчины, но все его удары не способны передать тех страданий, которые он испытал. Глядя на него, я осознаю, что ведь он такой же человек, как и я. Порой я преисполнен ненавистью, к тем людям, что являются владельцами плантаций, к тем, кто использует рабский труд для обогащения. Нельзя жить за счёт других, ведь те, люди, за счёт которых мы живем, страдают.

Из его рассказов я решил, что люди истязали его, пытали, продавали, вовсе не считая его человеком. А природа даровала ему жизнь, не требуя ничего взамен, дала ему пищу, воду и жилище.

В конце своих рассказов он отвесил мне пощечину, сказав, чтобы отныне я называл его Джангал. Не знаю, с чем это может быть связано.

7 апреля 1639 год

Сегодня ночью меня разбудил раздавшийся на верхней палубе хриплый смех Джангала. Никогда не мог представить, что он способен смеяться.

На верхней палубе он смотрел, как тот зеленоглазый парень с соседнего судна, накидывал себе на нос пушечные ядра. Руками он перекидывал два ядра за спиной, а делал он это стоя на большом пальце правой ноги, выглядело это действительно впечатляюще. Джангал находил это смешным и от того смеялся во весь голос.

Когда все ядра осыпались, парень тот, низко поклонившись, поприветствовал нас и представился. Гирнгримгрон, пожалуй, самое сложное имя, которое мне доводилось слышать. Я так и не смог повторить его имени, пришлось записать, с третьей попытки. Когда я попытался произнести его имя, он, перебив меня, сказал, что его называют Гирн.

Гирн предложил нам пройти на его корабль, разрешив взять с собой оружие. Поскольку у них численное превосходство, Джангал хотел взять пушку, но она оказалась тяжелой.

Едва вступив на их корабль, мне вдруг показалось, что я испытал прилив энергии. Внутренние убранства их судна, выглядели так, будто, мы вовсе находимся не на судне, а посетили уютное, просторное поместье, где проживают огромные мохнатые медведи, ходящие на задних лапах и Всецветы. Никто из тех, кто встретился нам на пути не был с нами груб, напротив, все вежливо приветствовали нас, лишь некоторые игнорировали.

Мы долго блуждали в лабиринтах коридоров, в которых располагались каюты. Гирн привел нас в просторное помещение, где было большое окно, через которое пред нами вновь предстали уплывающие вдаль облака.

Нас посадили за стол, за которым сидели два медведя, один бурый, другой пятнистый с черными и белыми пятнами. Как выяснилось потом, медведи – это и есть те самые Магаи, которые цветных обезьян называют Всецветами. Черного, звали Хирол, а пятнистого Ферас. Так же за столом сидели около тридцати Всецветов, всех, счесть я не смог, но все они были из тех, с которыми мы захватили «Викторию», они, кстати, закрыли левый глаз, когда встретились с Джангалом.

Нам подали горячий напиток в больших мисках,. Когда я испил из своей и чаши, вкус доставил мне большое наслаждение, они называют это чаем, но это не тот чай, который мне доводилось пить.

Беседа у нас состоялась долгая, Гирн рассказывал про то, что место, где жили, Магаи и Всецветы уничтожила, некая, стальная армия, и теперь от безысходности они вынуждены скитаться в поисках некой Белой долины. Правда я не совсем понял, что это за долина и где она находится.

Он сильно благодарил нас за то, что мы помогли Всецветам вновь обрести свободу и предложил нам остаться с ними, ведь со слов Всецветов они прониклись к нам доверием и глубоким уважением и считают себя нашими должниками. Джангал заверил их, что они ему ничего не должны, хоть ему и пришлось лишиться одного глаза в битве за свободу.

Они приготовили для нас каюты, мы попросили время для размышления, Гирн сказал, что долго ждать они не будут, поскольку им необходимо отпустить наш корабль. Мы с Джангалом вернулись на «Викторию».

8 Апреля 1639 год

Натали. Предо мной предстал тяжкий выбор. Меня неистово тянет броситься в твои объятия и раствориться в них, будто сахар в чае. Вот встретимся мы вновь и взявшись за руки пойдем по пляжу. Но любопытство мое с такой силой меня вдохновляет, что я порой забываю о том, что лишь ради тебя я сбежал. Я представить себе не мог, что на моем пути мне повстречаются говорящие медведи и разноцветные обезьяны. А парящий в небе корабль!

Я поведал Джангалу о сомнениях рвущих моё нутро. Он посмотрел на меня, своим единственным глазом, и сказал, что он остается с Гирном, и если я попытаюсь сбежать от него, он меня пристрелит. Быть может он взял на себя бремя решения? Мне это неведомо, но я ему

возразил, сказав, что я готов к гибели на пути к Натали, но без боя, я смерти не встречу. Джангал отвесил мне пощечину, добавив, чтобы я думал быстрее.

Мне предстоит сделать тяжкий выбор. Какое решение я бы не принял, оно будет моим, я волен поступать, как пожелаю.

9 апреля 1639 год

Магаи, так похожие на говорящих медведей и Всецветы, разноцветные обезьяны так загадочны, мне прежде о них слышать не доводилось. С Магаями мне не пришлось еще вступить в длительную беседу, не считая той, то состоялась в каюте Гирна. Хирол и Ферас, странные у них имена.

Выглядят Магаи вполне разумно, ходят на задних лапах, некоторые носят одежду, некоторые нет, их нагота скрыта шерстью, да и вряд ли она им вовсе присуща. Любопытство меня обуяло, так интересно стало мне поближе познакомиться с их бытом, взглянуть, как они живут. Ни меньший интерес у меня вызвал их корабль, парящий в небе и такой огромный, что кажется у него нет края.

10 апреля 1639 год

Я полон надежд, что сделал правильный выбор, оставшись с Джангалом. Хотя, если бы я остался один, шансы выжить одному на корабле были бы ничтожно малы. Быть может этот странный парень Гирн, поможет мне попасть на побережье, где я продолжу поиски Натали. Я её не предал и не отрекся от воли раствориться с ней в объятиях. Я преисполнен желанием быть с ней, и желание это не иссякнет никогда. Но сейчас, я вынужден задержаться.

21 апреля 1639

Они хоть и направили на нас оружие, приняли они нас с радушием, эти существа, Магаи и Всецветы. Оказалось, что они не единственные жители корабля, на борту мне повстречались те, кто крайне сильно напоминает людей, они называют себя – Ринки. Они во всем похожи на людей, кроме глаз и поведения. Зрачки их разной формы, треугольные, квадратные, самые разнообразные, а цвета, вполне человеческого, в отличие от Гирна у которого зрачки, ярко зеленые, а глаза черные. Меня это порой пугает. Ринки, весьма дружелюбны и миролюбивы. Одна юная особа, по имени Марика, увидев ранение Джангала, расплакалась и крепко его обняла, Джангал, к моему удивлению, не сопротивился этому, а лишь засмутился. Она больше всех переживала за него, даже больше чем он сам, мне показалось, что их взгляды сплелись в какой-то миг, но Джангал, мигом опустил свой застенчивый взор.

На борту этого великолепного и действительно интересного судна я обнаружил просторные сады, широко раскинувшиеся в нижней части корабля. Сады богаты, множеством различных фруктов и овощей, среди которых озоруют дети. Блуждая по живописным полям, где потолок так высок, что едва заметен, я наблюдал за жителями корабля, которые следят за урожаем. Здесь я увидел, как Магаи доят коров. Человеку незнающему кто такие Магаи, могло бы показаться, что это медведь доит корову. Одна юная особа, Магай, которую зовут, Ина, любезно пригласила меня, помочь ей собирать помидоры. Я водрузил на себя корзину, а она бережно отрывала помидоры от ботвы и клала их в корзину. Многие дети, увидев нас за работой, вдруг окружили нас и стали нам помогать. Один совсем маленький Всецвет, залез в корзину, остальные дети бросали ему помидоры, а он ловил их, а я продолжал идти. Когда корзина наполнилась помидорами и начала становится тяжелее, два молодых, невысоких Магая, придерживали её, чтобы мне не было так тяжело.

Мне с трудом удалось обойти корабль, разведав почти каждое помещение. Просторы здесь словно бескрайние. Порой мне кажется, что я нахожусь не на борту корабля, а будто я посетил закрытый город, который населяют неведомые мне ранее существа, так сильно напо-

минающие говорящих медведей и обезьян. Тут просторные и хорошо освещенные коридоры, где я брожу будто по улице. Лишь деревянные стены и высокие потолки убеждают меня в обратном. Многие Всецветы, которым мы помогли бежать, увидев меня, приглашают посетить их каюту и познакомиться с их семьей. Проводя время за чаепитием, в компании с довольно невысокими Всецветами, я порой ощущаю себя великаном, особенно когда общаюсь с их детьми, некоторые из которых, едва умещаются в моей ладони.

Я обратил внимание на то, что не все члены экипажа носят одежду, лишь некоторые Магаи и Всецветы надевают одежду из парусины, хотя их наготу скрывает шерстяной покров. А вот Ринки, все до единого, носят одежду, включая Гирна, хотя тот не похож на остальных.

Этот парень Гирн, довольно странный, ведет он себя довольно дружелюбно, хотя, мы едва знакомы. На мой вопрос о том, кто он такой, он задал мне тот же вопрос, на что я ответил ему, что я человек, он возразил тем, что слово человек придумали люди, для самоопознания и добавил, что люди не являются теми, кем они себя считают, после чего задумался и сказал, что может ошибаться. Когда Гирн не ответил кто он такой, я спросил его, почему этот корабль может летать? Он пожал плечами и ответил, что сам толком не успел разобраться, что к чему, а Джангал говорит, чтобы я не совал свой нос, туда, где разевает пасть акула, или что-то в этом роде.

Опасность миновала, но Джангал продолжает оставаться настороже, ему выделили каюту, но ночи он по-прежнему проводит на «Виктории». Ночью я выхожу, на верхнюю палубу, и устремляю свой взор в темную даль, освещенную луной и несчитанным множеством звезд. Вчера я видел стоявшего на соседнем корабле Джангала, увидев меня, сперва он плюнул в мою сторону, а затем достал пистолет, и не прицелившись выстрелил, я слышал лишь как у моего уха со свистом пронеслась пуля, увы, я не Гирн, и я не в силах останавливать пули, или творить подобные вещи. Я не злюсь на Джангала, хоть он порой бывает грубым, порой даже крайне грубым, таковым его сделали люди жестоко обращавшиеся с ним.

25 апреля 1639

Не могу оставить это без внимания. А именно праздничный день, который миновал совсем недавно. В тот день все собрались на широко раскинутом поле, расположенном в нижней части корабля. Около тысячи Магаев, Всецветов и Ринков без труда смогли уместиться там, я в очередной раз был поражен размерами корабля.

Я ранее ещё не чувствовал, себя так уютно. Что это такое? Я среди существ, так похожих на медведей и обезьян, которые танцуют и поют, и вверх бросают лепестки цветов. Кто они? Откуда? Одна женщина Магай, прижала меня к себе, и я, попытавшись её обхватить, пустился с ней в пляс. Мне самому это кажется невероятным, тот факт, что я танцевал с медведем. Я пил там жидкий мед, разведенный с лимоном, напиток, не пьянящий и не дурмнящий, но на вкус просто потрясающий.

Я видел, как Джангал танцует! Эта юная особа, Марика, смогла его расшевелить. То, как он дрыгается, смотрится так нелепо, но так весело. Мне все кажется, будто между ними существует некая связь, хоть Джангал это и пытается скрыть.

Мне было так весело, что улыбка не сходила с моего лица, и я ощущал блаженство. Одна девочка Магай меня спросила, почему я в обычные дни веду себя иначе, почему я не так весел. Она, не дождавшись моего ответа, добавила, что каждый день должен быть, словно праздник и повела меня танцевать.

Мне кажется, что здесь невозможны серьезные ссоры, эти существа живут, будто одна большая дружная семья, не смотря на их различие, ведь Всецветы кажутся такими хрупкими, Магаи с виду суровы, ну а Ринки дружелюбны и разумны. А на празднике всем было одинаково весело.

Гирн показывал разные фокусы, хотя его трюки выглядят далеко не как фокусы. Ему завязывали глаза, а затем в него стреляли из пушки, Джангал с удовольствием поджигал фитиль, но ядро зависало около лица Гирна. Он брал ядро в руки и оно превращалось в яблоко, он откусывал от него затем выплёвывал и изо рта его вылетали сотни бабочек, в воздухе они порхали, образуя улыбающееся лицо Гирна. Лицо Гирна из бабочек подмигнуло, а затем выплюнуло изо рта пушечное ядро и растворилось тысячей ярких огней.

29 апреля 1639

Мы прибыли на остров. Но не причалили в бухте, как следовало бы сделать, будь мы на обычном корабле. Наше судно воспарило в воздухе между голубой облачной крышей и зеленым покрывалом джунглей. Отбросив огромную тень, словно облако заслонившее свет.

Всех животных с «Виктории» мы перегрузили на наше судно, поселив их на одной из просторных палуб, в нижней части корабля. Как бы трудно не было расстаться с нашим кораблем, сделать это все же пришлось. «Виктория» плавно опустилась в широкое ущелье и скрылась там, среди серого камня.

Я, Джангал и Гирн водрузились в шлюпку, которая летает, как и корабль, и она унесла нас вниз. Мы приближались к земле, пролетая над заросшими джунглями. Высоко растущие деревья касались киля нашей лодки. На миг мне показалось, что мы плывем среди зеленых, густо растущих деревьев, хотя всё так и было.

Когда мы опустились ниже, проникнув в джунгли, я увидел обезьян прыгающих по деревьям и лианам, я ждал, когда одна из них скажет нам привет, но они лишь кричали и визжали, это были обычные обезьяны.

Мне ещё не приходилось бывать так глубоко в джунглях. Когда мы пролетали над островом, я не видел сверху ни домов, ни городов, быть может, этот остров вовсе необитаем. Гирн сказал нам, что мы нужны ему на тот случай, если ему вдруг повстречаются другие люди и нам придется вести с ними переговоры. Я не вдаюсь в подробности причины, по которой мы сошли на сей остров, Гирн сказал нам, что он что-то ищет. Сейчас я лишь наблюдаю за происходящим, ведь события происходят так часто, что я даже не успеваю им удивляться.

30 апреля 1639 год

Ночь мы провели под звездами, по просьбе Гирна. Заснуть было трудно, поскольку кругом обитают хищные звери, готовые напасть в любой момент. Гирн, сказал мне, чтобы я не беспокоился и предложил подежурить, пока я сплю, я согласился и успокоившись быстро заснул. Меня разбудил храп Гирна, спавшего стоя, уткнувшись головой в дерево.

Гирн безумец, он снял с себя одежду и изготовил себе новую из пальмовых листьев, сказал нам, чтобы мы последовали ему примеру. Изготовив одежду для нас, а именно накидку на пояс, он обмазал лицо грязью и полез на дерево. Пока мы с Джангалом переодевались, Гирн сверху разведывал местность.

Когда Гирн с большой высоты рухнул на землю, оставив от себя вмятину в почве и при этом, не пострадав, он сказал, что это кратчайший путь с верхушки дерева, поправил накидку из пальмовых деревьев, и мы двинулись вперед.

Блуждая по джунглям, я слышал разные звуки издаваемые животными, некоторые из которых мне неведомы. Мимо нас пронесся огромный дикий кабан, Гирн посмотрел ему вслед и вслух подумал о том, что неплохо было бы на нем прокатиться, а затем бросил на меня свой безумный взгляд. Он вполне нормальный, но порой, он кажется мне безумным. Нам на пути встретилась поляна, где мирно отдыхали несколько горилл, увидев их, он вдруг начал бегать перед ними, визжать как дикий зверь и прыгать, размахивая руками. Джангал смеялся во весь голос, а я, глядя на них, недоумевал. Гориллы сперва, в ответ ему, били себя в грудь, по всей видимости, давая нам понять, что это их территория, а затем перестали обращать

на него внимание, сели, продолжив жевать траву и искать паразитов в шерсти своих детенышей, а мы пошли дальше.

А дальше, пройдя несколько миль вглубь джунглей, мы вышли к водопаду, в низовьях которого, был широкий водоём. Гирн предложил нам отдохнуть, мы не возражали. Я решил попрактиковаться в плавании и окунулся в воду. Медленно ступая по дну, я иногда отрывал ноги от камней и пытался грести руками. Джангал сидел у берега, кидал в меня камни и говорил, что я жалкий и ничтожный кусок гориллиных экскрементов. Это меня подбадривало и раздражало одновременно. А вот этот, невероятный Гирн, ходил вокруг меня, прямо по воде, иногда ступая прямо по воздуху, будто по невидимым ступеням. Увидев его довольное лицо, я хлебнул воды и едва не захлебнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.